

Елена Минькина

Чистый Кос:

от смерти
к рождению

Хозяин шара

Елена Минькина

**Чистый код: от
смерти к рождению**

«ИМ Медиа»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)644

Минькина Е. В.

Чистый код: от смерти к рождению / Е. В. Минькина — «ИМ Медиа», 2019 — (Хозяин шара)

ISBN 978-5-6042887-5-7

Бенну богата и красива, она безумно влюблена в своего мужа, но при этом очень несчастна. Что же омрачает жизнь девушки, которой, казалось бы, на роду написано быть счастливой? Ее муж – темный колдун, который требует от жены служить силам тьмы. Когда выясняется, что девушка неспособна совершать зло, она становится неинтересной своему господину, ведь у него были на нее совсем другие планы. Бенну удалось полностью переписать свой генетический код, и теперь она обладает абсолютной любовью, в ее душе нет места злу. Но Бенну еще не знает о том, что и абсолютное добро может служить злым силам. Для того чтобы остаться на стороне добра и обрести свое истинное предназначение, Бенну предстоит пройти нелегкий путь. Что же ждет ее в конце этого пути – счастье или смерть?..

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)644

ISBN 978-5-6042887-5-7

© Минькина Е. В., 2019
© ИМ Медиа, 2019

Елена Минькина

Чистый код: от смерти к рождению

1

Бенну лежала в широкой ванне. Серебристая пена весело переливалась на солнце. Лицо девушки было печальным.

– Что будет с ней, когда ее отец умрет? Все в ее жизни плохо. Вот уже два месяца, как господин не приходит к ней. Он потерял к ней всякий интерес. Пока он еще боится ее отца, а что будет потом? Девушка вышла из ванны и рыбкой нырнула в бассейн. Прохладная вода обожгла ее тело. Она плавала от одного края бассейна к другому, пока не замерзла. Бенну выскочила из воды, накинула на себя пушистый халат и легла на скамейку.

Ее взгляд был устремлен на реку. Она так любила декабрь. Ей нравился освежающий ветерок. В это время река уже не была красной. Изнуряющая жара закончилась. Солнышко ласково светило.

Скоро начнется период дождей. Природа ждет его с нетерпением. Поблизости бродили ее животные, но они не подходили к ней. Они остро чувствовали настроение своей хозяйки. Только ее любимчик Менту назойливо лез к ней поиграть, но она прикрикнула на него, и он затих, шумно вздохнул и стал укоризненно поглядывать на хозяйку: поиграть сегодня не удастся. К ней неслышно подошел Сенах. Он держал поднос с фруктами. Только ему разрешалось вот так подходить к ней:

– Вот, я принес вам фрукты. Госпожа, вы ничего не едите. Так вы можете заболеть. Сененмут волнуется, ему докладывают о каждом вашем шаге. Пожалейте отца, он и так плох.

– Спасибо, Сенах. Я поем.

Она с благодарностью взглянула на раба.

– Если ко мне кто-нибудь придет, скажи, что меня нет, я не хочу никого видеть. Нет, постой, если придет Халли, то пропусти ее.

Она посмотрела вслед Сенаху. Она выросла с этим человеком, он ей был как брат. Когда-то отец спас ему жизнь. Он купил его у какого-то араба – тот забил его до полусмерти. Мальчишке было года три. Сененмут нанял лучших врачей, они месяц выхаживали мальчика. Сенах стал жить в семье Сененмута как сын, играл с Бенну, еще с той первой Бенну, когда та была жива. Когда Бенну утонула, мальчик был в доме, но он до сих пор винит себя в ее смерти. Потом он ни на шаг не отходил от нее, с тех пор как ее нашли у калитки. Сенах хорошо говорил на многих языках, Сененмут позаботился о его образовании. Слуга был очень предан хозяину, а теперь и ей. Когда она вышла замуж, отец отдал ей в услужение Сенаха. Он с легкостью менял свою внешность, был очень умным, знал калитки и помогал Бенну во всем. Любое задание выполнял с легкостью.

Бенну любила его как родного брата. Сколько раз она предлагала ему свободу. Но Сенах сказал ей, что скорей умрет, чем покинет ее.

Он также очень любил Сененмута. Сейчас Сенах переживал за обоих. Она видела, как он ненавидит Миноса. Слава Богу, Минос не замечал этого, он вообще не считал рабов за людей, а то бы давно стер его в порошок.

Бенну посвящала Сенаха во все свои планы. Она знала, что кто-то из слуг следит за ней и докладывает отцу обо всем, что с ней происходит. Понимала, что отец очень сильно волнуется за нее, и не напрасно. Все чаще она подумывает о сведении счетов с жизнью, но глубокая вера в Амона останавливает ее.

Девушка чувствовала, что если дальше продолжится ее печаль, то жизнь ее угаснет. Бенну очень сильно любила отца. И сейчас, чтобы не волновать его, она стала есть фрукты, изображая аппетит, которого вовсе не было. Здесь, на виду у всех, она не должна грустить: много глаз наблюдает за ней, ей надо сделать над собой усилие, чтобы отец ничего не узнал. Пусть думает, что она счастлива.

Сегодня она будет горячо молиться своему Амону, он должен помочь ей. Она сделала ошибку! Бенну с ужасом вспомнила ту страшную ночь. Оказывается, подписать контракт – этого мало, его надо было скрепить кровью. В ту ночь господин дал ей кинжал, она должна была вонзить его в сердце девушки-невольницы, которая в чем-то провинилась перед ним. Но Бенну, увидев глаза девушки, потеряла сознание. Нет, она не может убить человека даже ради своего господина. Неделью она провела в горячке. С тех пор прошло два месяца. Господин потерял к ней всякий интерес, он больше не приходил к ней.

Халли, ее подруга, рассказывает о новых многочисленных женах и наложницах, которые без конца появляются в его доме. Ревности они в ней не вызывали, но тоска съедала ее. Ей ничего не надо, просто пусть приходит хоть иногда.

В детстве отец привил ей мысль о замужестве, об особом отношении к мужу. Так воспитывали всех женщин Кемета. В детстве она мечтала стать женой своего бога Амона.

Но отец посмеивался над ней: вот приведу тебе мужа, так и забудешь о своем золотом женихе, нарожаешь мне внуков, будет в доме радость. Но отец ошибся: любовь к богу осталась, а детей так и нет. В одном он только оказался прав: муж занял в ее жизни главное место.

Люди говорят, что любовь слепа. Но разве это правда? Ведь это люди слепы. Где были ее глаза, когда она так сильно влюбилась в него? Он был не таким, как мужчины Кемета, он не заботился о душевном состоянии своих жен. По закону он обязан был посещать ее, но что ему закон? Он не подчиняется ни одному закону.

Бенну приняла его сразу, как только ее привели к нему в спальню. После этого она увидела много странных вещей, узнала про калитки, и поняла, что ее муж – не простой человек. Он владеет колдовством, но никому она не расскажет об этом. В Кемете за это казнят, а она не сможет жить без него.

Еще год назад он не смог бы так с ней поступать: он побаивался отца. Сейчас отец отошел от всего: сидит у себя во дворце, с утра до вечера грустно смотрит на реку, вот так же, как воды этой реки, уплыла от него его надежда на продолжение рода. Для мужчины Кемета это огромный позор. У него есть племянник, наверное, он и завладеет всем его имуществом, когда папа отправится на поля Иалу в царство мертвых. А она, Бенну, лишится своего дворца, ее господин давно хочет прибрать его к рукам, и станет она жить в его дворце со всеми его многочисленными женами и наложницами.

А если учесть всю зависть и ненависть всех этих женщин по отношению к ней, то подумать страшно, что с ней будет. Ведь сейчас только она одна из жен в таком привилегированном положении. Слезы непроизвольно закапали из глаз. Она отбросила спелый персик, еда не шла ей в горло. Грустные мысли лезли в ее голову:

«Я каждый день молюсь Амону, но он не дает мне знаков! Наверное, он тоже не знает, что делать. Но разве это возможно? Бог может все. Я, наверное, плохо молилась ему».

Девушка порывисто вскочила на ноги, ее фенек даже взвизгнул от неожиданности и страха. Ей стало жаль его.

– Менту, милый, иди ко мне. Девушка взяла его на руки. – Ты не виноват, малыш.

Лисенок смешно фыркнул, сразу прощая ей все. Она грустно улыбнулась.

– Я так похожа на тебя. Вот если бы мой господин так же приласкал меня, на свете не было бы никого счастливей.

Она опустила зверька на землю. Менту стал носиться вокруг нее кругами, показывая свою радость. Бенну подумала: вот считается, что у животных нет души, но разве это правда?

Разве можно любить без души? Менту любит как человек, он так предан ей. А ее господин? Кто же он? Он говорил ей, что знает тайну бессмертия. Разве не об этом мечтают многие люди, и никогда это никому не удавалось? А полеты? Как тело теряет вес и взмывает вверх? Что за сила управляет им? Она спрашивала об этом у господина, но он только смеялся: его забавляла наивность Бенну. А ей так много хотелось знать. Но у кого спросить?

В детстве ее няня, мать Халли, рассказывала ей сказки про то, как старая баба Яга летала по небу на метле, но это была сказка. А потом это оказалось правдой. Видимо, ее муж действительно колдун. Как же иначе все это объяснить? На шабаше бывает очень страшно: столько там необычных существ, все они тоже колдуны, а как же иначе? Здесь, в этом мире, таких нет. Все-таки какое счастье жить в Кемете! Здесь у нас таких чудищ не встретишь! Как изменился мир за много сотен лет! Все-таки как ей повезло, что в детстве она как-то сделала этот переход через калитку.

Конечно, она делает переходы в другое время, чтобы учить языки, но всегда стремится побыстрее вернуться в Кемет. Сенах всегда сопровождает ее при этом. Ее муж научил Сенаха пользоваться калитками, слуга был талантливым учеником, он освоил их сразу, а вот она – с трудом. Она практически не знает, как живут люди в том времени. Ее общение ограничивается только учителями, а они все – люди ее господина. Правда, она иногда делает переходы в лес, в тот домик, где живет ее дед. Но она никогда не общалась с ним.

Однажды она побывала у своей родной матери дома. Но там дальше комнаты, где стояла калитка, она не выходила. Тогда она спросила у мамы: «Как вы здесь живете? Ведь это так страшно!»

Мама только рассмеялась. Тут, дочка, лучше, чем у вас. Здесь женщины не бесправны, свободны. А зачем ей права и свобода, если она так несчастна? Вот то, что у мамы один муж – это ей нравится, но ведь он все равно гулял раньше. Они разговаривали об этом. Конечно, родная мать для нее не совсем как мать, скорее она для нее как старшая сестра. Ведь она никогда не знала ее, но она может с ней говорить обо всем, ее мама очень умная, понимает ее. Мужчине нужно много женщин, так ей всегда говорили, а женщине нужен только один мужчина. А может, это не так? Бенну не заметила, как ноги принесли ее к комнате, где ждал ее золотой Бог. Она взглянула на него с обожанием. Глаза статуи радостно блеснули, приветствуя девушку.

– Ты всегда рад мне!

Она приникла к его холодной руке и заплакала.

– Пожалуйста, помоги мне! Ты – последняя моя надежда.

Она бросила в курительницу благовония. Серый дымок пополз по комнате, обвиваясь вокруг Бенну, – это Амон таким образом ласкал ее, он рад ее видеть. Сегодня девушка не танцевала, она просто молилась. Вся ее короткая жизнь мелькала перед ее глазами. Сегодня Бог ответит ей, он не может не ответить. Иначе Бенну просто сойдет с ума. Сейчас она запела свою молитву. Ее Бог смотрел на нее с грустью. Ей даже показалось, что по щеке его потекла слеза.

«Нет, ничего не выходит. Ее Бог молчит».

Девушка была в отчаянии.

– Я знаю, Амон, ты хочешь, чтобы я сама решила, что делать, – произнесла она с грустью. Она отстранилась от статуи, но странное дело, после молитвы ей стало намного легче. Девушка опять приникла к статуе. Она чувствовала, что Бог жалеет ее. Разве может он ей помочь? Такова ее судьба. Так говорили его глаза. Бенну – маленькая птичка, которая родилась с сердцем, в котором живет только любовь.

Неожиданно для нее решение все-таки пришло – она обратится к Изольде. Сейчас она пойдет к ней, та поможет ей, даже если ей придется ползать перед той на коленях. Бенну выбе-

жала из комнаты, быстро пошла по длинному коридору туда, где хранились ее сокровища: они лежали в огромном сундуке, в самом дальнем уголке ее дворца.

Двое крепких слуг охраняли его с утра до вечера. Она так любила рассматривать веселые цветные камушки, различные забавные вещицы. Но сейчас только одна вещь могла помочь ей – это изумрудное ожерелье. Его подарил ей на свадьбу ее господин. Она ни за что бы не рассталась с ним. Пять лет назад, когда ее одевали к свадьбе, она видела глаза Изольды, видела, как дрожали ее руки, когда та брала это ожерелье, как рассматривала его и, вздыхая, одевала его на Бенну.

За дверями послышался шум. Бенну быстро спрятала ожерелье в кармашек и выскочила из комнаты. В коридоре она увидела, как Халли борется с огромным охранником. Тот не пускал ее, а она смело вступила с ним в схватку.

– Халли! Я так рада тебя видеть! – Она дала знак охраннику, и тот отступил. Бенну радостно бросилась на шею девушке. Та, целуя Бенну, приговаривала:

– Ох, Бенну, я еле пробилась к тебе. Тебя охраняют, как царицу.

– Это все папа. Кому я нужна?

– Наверное, он чувствует опасность. Он так тебя любит!

Девушки прошли к бассейнам.

– Халли, здесь нас никто не услышит. Как твои дела?

Девушка нервно тряхнула головой:

– О чем ты, Бенну? Я самая несчастная на свете: ни любви, ни семьи, ни детей. Зачем я живу на этом свете?

– Халли, все это и я могла бы сказать тебе. Мы с тобой как две сестры, и судьбы наши так похожи. По-видимому, я больше не нужна своему господину... Ладно, не будем об этом. Я так ждала тебя, где ты пропадала?

– Караулила твою мамочку, мне надо было с ней поговорить. Понимаешь, я просто не знаю, что делать!

– Халли, маме и так не просто сейчас. Ну о чем ты с ней говорила?

– Да так... о разном.

– Халли, не темни, я же тебя знаю.

– Ну хорошо, мы говорили о тебе.

– И что?

– А то, посмотри на себя, на кого ты стала похожа?

– Опять ты за свое, я же тебя просила: не вмешивайся. Я люблю своего мужа, и я буду любить его до самой смерти, пусть он даже больше не смотрит на меня.

– Бенну, если так пойдет дальше, то твоя смерть не за горами. Тебе мало того, что два месяца назад тебя еле откачали? Хорошо, Сенах достал лекарства, а то бы мы тебя уже проводили на поля Иалу.

– Ладно, Халли, не кипятись. Неужели ты пришла ругаться? Расскажи лучше, как там моя мама?

– Кажется, плохо. Что-то там с беременностью не в порядке, да и дочку украли. Но сказать честно, я ее практически не слушала.

Бенну хлопнула в ладоши, и тут же из-за деревьев появился слуга, который явился на зов Бенну:

– Зураб, позови мне Сенаха.

Вскоре Сенах предстал перед ней.

– Сенах, у меня к тебе просьба: узнай, что там с мамой.

Мужчина умоляюще смотрел на нее:

– Госпожа, прошу вас, не удаляйте меня от себя.

Бенну топнула ногой:

– И ты туда же! За меня не беспокойся. Моя хандра закончилась. Вели накрыть нам обед. Если тебя это успокоит, я поем с аппетитом. Я приняла решение: сама пойду к господину, раз уж он на мне женился, то пусть исполняет свои обязанности.

– Тогда я тем более от вас не уйду, – заявил упрямо мужчина.

Бенну знала, что Сенаху нельзя приказать, его надо только уговорить. Она взяла его за руку и заглянула ему в глаза. Мужчина смутился и отвел взгляд. А Бенну продолжала:

– Сенах, ну чего ты боишься? Ты же знаешь, пока жив отец, мне не сделают ничего плохого. Это моя просьба, пожалуйста.

– Ну хорошо. Только обещайте мне, что будете осторожны. Лучше уж жить без вашего господина, он – сплошное несчастье.

Бенну нахмурилась.

– Сенах, я прошу тебя, не обсуждай моего мужа.

Сенах покраснел.

– Простите, госпожа...

– Все, Сенах, ступай быстрее, может быть, маме нужна твоя помощь.

Сенах откланялся и удалился. Халли мечтательно посмотрела ему вслед:

– Какой красивый парень. Он просто без ума от тебя. Такой умеет любить, не то что наш господин. За что нам такая доля?

– Халли, а может быть, ты уйдешь туда, в мир моей мамы? Ведь здесь тебе не светит быть счастливой? По-моему, никто даже и не заметит твоего отсутствия.

– Знаешь, Бенну, я открыла, что я не могу находиться там долго. Там я быстро теряю свои силы. Видимо, людям из прошлого нельзя жить в будущем.

– Постой, а как же Сенах? Он может жить там месяцами, и ничего.

– Бенну, я думала о нем. Неизвестно откуда он взялся. Ведь отец твой купил его у араба, и не спросил у того, где он взял Сенаха. А одно имя чего стоит. В Кемете так вообще людей не называют. Мне кажется, он из вашего мира.

– Да, Халли, наверное, ты права, но я никогда не думала об этом.

Девушки замолчали. Первой молчание нарушила Бенну.

– Сегодня я встречусь с Изольдой. Насколько я знаю, там всем правит она. Халли, послушай, а давай я попрошу, чтобы она отпустила тебя ко мне. Будешь жить со мной?

– Бенну, я была бы счастлива, но тогда некому будет подслушивать.

– Халли, ты несправима! Зачем тебе это?

– Да за тем, чтобы спасти тебя, дурочку. Как мы узнаем о том, что замышляют Минос и Изольда? Да и что будет с тобой завтра? Вдруг твой папа уйдет в мир иной? Там, в доме нашего господина, много недовольных, и практически все завидуют тебе. Лучше я побуду пока там.

– Да, Халли, конечно, ты права. Мне страшно за мое будущее, хоть бы был у меня ребенок. Знаешь, очень я завидую своей маме: она может беременеть, рожать, и она – одна женщина у своего господина. Конечно, у нее постоянно какие-то проблемы из-за ее дара, но зато она счастлива. Может быть, мы тоже когда-нибудь будем счастливы? Да, Халли? Я бы сейчас с радостью отдала бы все, что у меня есть, за беременность.

– Ну а мне и отдавать нечего. Ты хоть любишь. А я не знаю, что это. Бог не дал мне красоты, не дал отца, который любил бы меня так, как твой. А этот дворец? Если бы у меня был такой, разве я стала бы грустить? Почему Минос столько вложил сюда?

– Знаешь, это давняя история. Когда мы только поженились, он решил показать мне мир и взял меня в Лас-Вегас. Это такой удивительный город в Америке. Я глазам своим не верила. Это чудо построили обыкновенные люди. Мой муж обожает этот город. Мы остановились с ним в самом лучшем отеле – Беладжио.

Номер у нас был такой шикарный! Даже в моем дворце нет такой роскоши. Господин начал играть в карты, там все играют, а я смотрела. У него удивительные руки. Представляешь,

они, как птицы, летали над зеленым сукном, я не могла оторвать от них взгляда. Господин все время выигрывал. Так продолжалось дня три. Он дал мне много денег и отпустил гулять по городу – делать покупки. Я должна была купить что-нибудь родителям, да и себе. Со мной был Сенах. Ты знаешь, он всегда со мной. Такое условие поставил мой отец, и господин согласился на него. Сенах таскал мои покупки. Я так была счастлива. Знаешь, в одном из магазинов я увидела платье, от которого уже не могла оторвать взгляда. Оно было золотым. Оно горело как солнце. Я купила себе это платье. А вечером я надела его. На шее у меня было изумрудное ожерелье, а под него я надела свои зеленые линзы, которые так нравились моему господину. Во всем этом я вышла в зал, где играл господин. Ты не представляешь, что там было! Мужчины перестали играть, они восторженно смотрели на меня. Но я видела только своего любимого. Он тоже увидел меня и закричал в изумлении:

– Мария, а как ты попала сюда? Я так счастлив тебя видеть!

А я сказала:

– Что ты, любимый, разве ты не узнаешь свою Бенну, почему ты называешь меня чужим именем?

Мой господин смутился.

– Знаешь, я тут заигрался. Пойдем в город. Я должен всему городу показать мою королеву. В тот вечер я так была счастлива! Весь город любовался мною. Мужчины замирали, провожая меня глазами. Женщины завистливо смотрели на меня. Там, на улицах города, показывали разные удивительные представления, там их называют шоу. А поздно вечером господин любил меня как никогда. А когда мы вернулись, он перестроил весь дворец моего отца. Одно меня смущало. Он часто просил надевать то платье с ожерельем, и любил меня, но казалось, что представлял он другую.

– Бенну, неужели ты не поняла?

– А что я должна понять?

– Он представлял себе твою мать, ведь зовут ее Мария, и ты похожа на нее как две капли воды. Помнишь, твоя мать рассказывала тебе, что она отказала нашему господину, она любила другого?

– Да, Халли, да, но моя мама, когда встретила нашего господина, уже была беременна. Она рассказывала мне, что ее изнасиловали.

– Ну и что, Бенну? Разве живот отрастает сразу? Она же сама тебе говорила, что никто не замечал ее беременности.

– Ах, Халли, если бы только мама согласилась выйти замуж за нашего господина, представляешь, мы бы с ней не расстались.

– Ты, Бенну, все-таки счастливей меня, потому что добрее. Тебя совсем это не задевает?

– Халли, ты хочешь, чтобы я приревновала своего господина к маме? Ведь женился он на мне. А сейчас я вообще не знаю, что и делать. Как мне вернуть мужа? Сегодня к вечеру я приду к вам, мне надо встретиться с Изольдой, может она поможет. Скажи ей, что я приду.

Халли пожала плечами и в недоумении покачала головой.

– Не знаю, что и сказать тебе, Бенну. Думаю, это пустая затея. Эта старуха не в состоянии вообще помогать кому-то.

2

Халли вернулась во дворец. Сейчас надо предупредить Изольду о приходе Бенну. Она прошла на половину дворца, где проживала старуха. Но слуги объяснили ей, что Изольда встречается в северной части дворца с Миносом. Халли знала, где они проводят беседы, поэтому со всех ног бросилась туда. Надо услышать, о чем же они говорят.

Изоolda по всему дворцу настроила комнат-подслушек, этими комнатами и пользовалась Халли. Изоolda думает, что только она одна знает об этих комнатах. Но разве можно что-нибудь утаить от Халли?

Она без труда нашла потайную дверь, нажала на невидимый рычажок, кусок стены отодвинулся, и девушка очутилась в темной комнате, где тут же припала к глазку в стене.

Ее взору открылась следующая картина. Минос и Изоolda сидели в креслах. Перед ними был накрыт стол, горели свечи, в бокалах искрилось вино, они не спеша ели и беседовали. Изоolda явно гордилась вниманием господина, ее единственный глаз с радостью взирал из-под кустистой брови. По случаю встречи старуха принарядилась: на ней была новая зеленая юбка, расшитая камнями, белая шелковая кофта, которая, впрочем, совсем не скрывала ее большого горба. Ее когтистые руки лежали поверх юбки, и Халли заметила два чудесных перстня с великолепными изумрудами. Такие украшения она видела у последней жены Миноса, которая потом бесследно исчезла. Первые же слова Изоолды, которые девушка услышала, заставили ее напрячь все внимание.

– Господин, что ты решил делать с Бенну?

Слова прозвучали так отчетливо, как будто ей сказали все это на ухо. Как же старухе удалось сделать такое? Этот вопрос Халли всегда задавала себе, когда подслушивала чужие разговоры. Поговаривали, что все мастера, которые строили эти комнаты, бесследно исчезли, и только старуха знает все эти тайные места. Но их знает и Халли. Часами, подвергая свою жизнь смертельной опасности, Халли подглядывала за Изоолдой, открывая для себя одну потайную комнату за другой. Изоolda была правой рукой Миноса. Она полностью управляла этим огромным дворцом, решала судьбы всех многочисленных жен и наложниц. Без ее подготовки ни одна женщина не могла быть допущена к господину. Она знала все про всех. Но только не про Халли. Старуха и представить себе не могла, что затравленная, испуганная девчонка способна на такое.

Тем временем Минос взял со стола бутылку и подлил Изоолде вина.

От счастья старуха закатила свой единственный глаз и шумно вздохнула. Минос взял бокал, долго смотрел на него, потом произнес:

– Так ты говоришь: что делать с Бенну? Не знаю, Изоolda. Это должна решить ты, впрочем, как всегда. Меня она уже мало интересует. Но этот дурацкий контракт... Я хотел получить ее мать, но видишь, как вышло. Девчонка просто дура. Вот мать – да... Ты не представляешь, как она горела подо мной, – произнес он с грустью.

– О, господин, чтобы развеять твою тоску, сегодня я подготовила для тебя одну хананьянку. Ее доставили к нам караваном месяц назад. Сегодня она в твоём распоряжении. Представляешь себе: тоненькая талия, волосы, как грива твоего арабского жеребца.

Минос плотоядно потер руки:

– А так ли она хороша?

– Да, господин. Огромные зеленые глаза, в которых можно утонуть от страсти, совсем девчонка, у нее только прошли первые регулы. Но она уже все знает. Месяц я работала над ней. Ах, какая она сладкая, и ждет не дождется тебя, каждый день просит меня ускорить вашу встречу. С ней ты забудешь обо всем на свете, господин.

Минос мечтательно закатил глаза, на его лице застыла улыбка.

Старуха вся подалась вперед, кажется, она решила на что-то:

– Я хочу попросить у тебя, господин, новое тело для меня, не могу уже находиться в этом. Это уродство просто доконало меня.

Господин тут же нахмурился:

– Изоolda, сколько раз мы уже делали это? Как только тебе исполняется сорок, так твое тело начинает отражать твои дела, повторяется одно и то же. Ты для меня – прекрасная красавица. Делаешь для меня больше, чем кто-то еще, я очень ценю это. Пойми, сейчас не время это

делать. Пока будет идти пора твоего детства, пока ты поумнееешь, я не могу ждать. Ты будешь мне нужна в ближайшие два года. Но знай, когда мы получим книгу, я смогу дать тебе любое тело, и тебе не придется ничего забывать.

Миносу нужна Изольда, Халли видела это. Ему нужно было, чтобы старуха, без оглядки ни на что, служила ему. Отхлебнув вина, Изольда спросила:

– Ты сейчас думаешь о книге, господин?

– Это мой последний шанс. Я должен добыть ее. Еще никогда я не был так близок к цели. Представляешь, Хранитель – моя дочь, я думаю, она будет такой же сладкой, как и все мои дочери.

Старуха в сомнении покачала головой:

– Господин, почему ты думаешь, что она поможет тебе?

– Мне помогут гены, Изольда, мои гены. В ней моя кровь, я жду только смерти старухи, вот она может помешать мне.

– Ты разве не берешь в расчет Марию?

– Эту глупую курицу я обезоружу, через три дня у этой змеи вырвут жало из ее чрева, и она умоется кровавыми слезами. Сейчас даже оставляю ее в живых, пока не подберу подходящую кандидатуру для ее силы, эта сила должна работать на меня. В общем, мне повезло, что сила досталась ей: она думает только о своей семье, глупая курица. Ей безразлично все человечество. Хорошо бы заделать ей сына, я должен проработать и этот вариант. Поэтому так важно оставить ее в живых. Ты знаешь, как опасна эта сила?

– Ты уничтожишь Заратустру? – спросила в тревоге старуха.

– А почему это так волнует тебя?

Изольда побледнела. Она боялась сказать правду и смотрела изучающее на своего господина. Но, кажется, он был в хорошем настроении, поэтому она произнесла:

– Ты думаешь, они не защитят своего верного воина? И разве это простится тебе?

Лицо Миноса исказила странная гримаса. Изольда озвучила то, о чем он думал все последнее время. Он знал, что заходит слишком далеко, но жгучая обида просила мести, злоба разрывала его, она была сильнее страха. Ведь Минос никогда никому не прощал обиды, не простит и сейчас, много сотен лет он мечтает отомстить. Сейчас он убивает двух зайцев: мстит за то, что был отвергнут той, далекой Марией, и этой, так похожей на нее. Его руки сжались в бессильной злобе:

– Хватит каркать, Изольда. Скажи лучше, Сененмут скоро отправится в царство мертвых?

– Я думаю, что очень скоро. Он уже на ладан дышит. Наш надежный слуга исправно подсыпает ему порошок в вино.

Затем, стукнув своей когтистой рукой по столу, проговорила с улыбкой:

– Вот сильный, черт! До сих пор нет-нет да и ходит к наложницам.

– Смотри, Изольда, я не могу потерять мой дворец, да и его наследство – тоже лакомый кусок. Если у Сененмута появится наследник, не видать нам этих дворцов как своих ушей.

– Что ты, господин, не появится, даже если Сененмут и уезжает, он берет с собой своего слугу Гриоса. А тот хорошо знает свое дело. Но скажи, может, лучше насыпать ему в вино не эту траву, которая делает его бесплодным, а отраву, чтобы побыстрее помер и дело с концом? Зачем нам так рисковать?

– О, Изольда, ты что, забыла, где мы живем? Верховный жрец сразу заподозрит неладное – он сам потрошит трупы, готовя их к погребению, отраву он обнаружит сразу. Ты же знаешь, он лучший друг Сененмута, а тот, насколько мне известно, заболел модной болезнью не этого времени – депрессией. Здесь лечить ее еще не научились, а эта болезнь сведет его в могилу скорей, чем та отравка, о которой ты говоришь. Вовремя мы утопили его дочку и подсунули ему Бенну.

От того, что она только что услышала про Сененмута, Халли чуть не выдала себя. Она в ужасе прикрыла рот рукой, чтобы не закричать в изумлении. Так значит, Сененмут не бесплоден! Его просто травят! А дочь его утопили, а все думали, что утонула она сама! Вот это новость! Сейчас же она побежит к верховному жрецу и все расскажет ему, ведь он – лучший друг Сененмута. Бедная моя мама, она так хотела родить наследника Сененмуту!

Мысли девушки прервали слова старухи:

– Да, господин, твоя мудрость безгранична! Гриос говорит, что Сененмут стал безразличен к жизни, целыми днями смотрит на реку и иногда даже плачет.

– Плачет? Ха-ха-ха, вот это забавно, мой тесть плачет! Вот так проблема, нет наследника, да радовался бы! Здесь, в этом времени, хорошо, Изольда, но иногда их нравы меня удивляют, хотя сейчас это нам на руку. Скоро он сдохнет, и я получу и дворец Бенну, и все, что принадлежит ему.

– Да, господин, если только... – старуха прикрыла свой единственный безобразный глаз, чтобы не видеть реакции своего господина, – Если только он не пожертвует свой дворец и земли своему племяннику, а что еще хуже – храму Амона.

Реакция, как она и ожидала, была страшной: его лицо на глазах стало превращаться в звериную морду. Чтобы не видеть этого ужаса и не закричать, Халли зажмурилась. Почти рыча, он произнес:

– Изольда, ты не должна допустить этого!

Старуха торопливо произнесла:

– Хорошо, господин, хорошо. Я буду думать, как устроить все это.

– Думай, Изольда, быстрее, иначе тебе придется поплатиться за это жизнью! Я не могу потерять дворец, он нужен мне. Там очень много ценных калиток, и все они не подлежат переносу, я должен буду получить их. Это сейчас особенно важно, когда я так близко подобрался к книге.

Минос порывисто встал. Разговор был окончен.

3

Халли пулей вылетела из потайной комнаты и бегом направилась в покои Изольды. Она знала, что старуха сейчас придет туда. Надо получить у нее разрешение на посещение храма Амона. Без ее ведома никто не мог выйти из дворца. К тому же, ей нужны были слуги, ведь в Кемете женщина не может бродить одна. Только Бенну она могла навещать без разрешения. Под землей был прорыт подземный ход, который соединял оба дворца. Об этом подземном ходе знали она, Бенну, Минос и Изольда.

Халли стояла под дверями покоев Изольды, и вскоре, как она и предполагала, старуха появилась. Изольда грозно сдвинула брови:

– Халли? Что ты здесь делаешь, негодница?

Девушка упала на колени и губами приникла к ногам противной старухи, целуя ей туфли. Она знала, как растопить ее сердце.

– О, госпожа, простите меня, недостойную! Я нарушаю ваш драгоценный покой! Я так долго ждала вас здесь.

Голос старухи смягчился:

– Ладно, вставай, говори, чего ты хочешь?

– О, госпожа, наш господин только раз был у меня. А я так люблю его!

– Об этом и не мысли, ты в зеркало хоть иногда смотришься?

– Нет, госпожа, нет, я не об этом... – Халли испугано замахала руками, – Разве я, недостойная, могу даже думать об этом? Я знаю свое место, спасибо господину, что сделал меня женщиной. Но разве можно мне запретить любить и заботиться о нем?

– Так чего же ты хочешь? – спросила старуха, смягчившись.

– О, госпожа, я только хочу сходить в храм Амона и помолиться там за здоровье нашего господина, пусть Амон дарует ему удачу.

Старуха задумалась:

«А что? Это очень даже неплохо. Верховный жрец уже давно точит зуб на господина, а тут придет одна из его жен... Да, это неплохо». А вслух она сказала:

– Хорошо, Халли, это очень даже похвально. Вот, держи, – старуха выудила из складок одежды кошелек и подала его Халли, – это ты пожертвуешь верховному жрецу на храм Амона. Бери слуг и ступай.

Халли опять приникла к ногам старухи. Та, наслаждаясь таким моментом, притворно ворчала:

– Ладно, ладно, ступай.

Халли, прижимая к себе кошелек, низко кланяясь и пряча улыбку торжества, удалилась.

– Неплохая девчонка, да и умна, надо приблизить ее к себе. И господину предана как собака.

Изольда вошла в свои покои и тут же переделась в свою привычную оборванную юбку и кофту. Новые вещи раздражали ее. Разговор с господином отнял у нее много сил. Но не успела она прийти в себя, как слуга доложил о приходе Бенну. Удобно устроившись в кресле, она отдала приказ слуге:

– Зови.

Она подумала: «Что надо этой дуре? Сейчас узнаем».

Бенну в нерешительности застыла у двери, глядя на Изольду. Она ждала приглашения приблизиться к той. Но старуха намеренно тянула паузу, нагло разглядывая девушку. Ухмыльнувшись, она произнесла:

– Что с тобой, Бенну? Ты стала похожа на драную кошку.

Бенну опустила голову. Надо терпеть любые оскорбления, от этой старухи зависела ее дальнейшая судьба. А та продолжала издеваться:

– А помнишь, как ты смотрела на меня и кривилась, я тебе тогда казалось очень уродливой, ведь так?

Лицо девушки залила краска стыда:

– Да, так, Изольда, прости меня.

– Изольда? Так может называть меня только господин, а для тебя я – госпожа Изольда. Видишь, я так уродлива, а он приглашает меня на обед, ухаживает за мной, наливает мне вино. А как давно он был у тебя? Так что? Разве главное – красота? Чего молчишь, говори, Бенну.

– Прости меня, госпожа, помоги мне. Я пришла не ругаться, а просить о помощи. У меня для тебя подарок.

– Подарок? Ну-ка иди сюда и покажи мне его.

Бенну достала изумрудное ожерелье и протянула старухе.

– Это я принесла для вас, госпожа, Изольда.

Старуха не могла скрыть своей радости, она так давно мечтала об этом ожерелье, и вот, наконец, оно ее.

Как только Бенну приблизилась к ней, она схватила своей когтистой лапой ожерелье и стала любоваться им. Ее единственный глаз сверкал от жадности.

Старуха была равнодушна к камешкам, это была ее слабость. Она могла часами смотреть на драгоценные камни, сейчас это была для нее, пожалуй, единственная радость. Правда, такую же радость ей доставляло делать подлости людям, служа своему господину, за которого она могла бы отдать и жизнь, не задумываясь. Изольда долго крутила ожерелье, и казалось, совсем забыла о Бенну. Но через некоторое время она заставила себя оторваться от него и спросить Бенну:

– Так чего же ты хочешь от меня за него?

– Да, госпожа, я не буду притворяться. Я пришла за помощью, потому что только ты можешь помочь мне. Сегодня даже великий Амон отказался сделать это.

– О, ты ставишь меня наравне со своим богом, вот это мне нравится. Ты, наконец, поумнела. Поняла, кто в доме хозяин?

– Да, госпожа, поняла, и еще раз прости меня.

– Так чего же ты хочешь?

– Я хочу вернуть мужа. Пусть хоть иногда, хоть редко, он приходит ко мне. Иначе я просто умру.

Старуха задумалась. Она знала, что если господин потерял интерес, то вернуть его невозможно. Что же делать? Ожерелье так заманчиво сверкало, ей так хотелось получить драгоценность. Она понимала, что просто так девчонка не отдаст ей его. Но как выполнить то, что она просит?

И тут ей в голову пришла блестящая мысль. Ее глубоко запавший глаз принял выражение такой пронзительности и прозорливости, что Бенну показалось, будто этот взгляд перерыл ее душу до самого дна. Старуха вся подалась вперед и спросила:

– Скажи, Бенну, а что может заменить тебе господина? Ведь ты знаешь, что мужчина не может любить долго, и рано или поздно это происходит в жизни любой женщины.

Дрожащим голосом девушка произнесла:

– О, госпожа, я все понимаю, со мной и так господин был дольше, чем с любой из своих жен. Но наша любовь оказалась бесплодной. Мое чрево пусто. Из-за этого я теряю своего отца, сейчас он умирает от тоски, а ведь он выбрал Миноса в зятя только потому, что у того многочисленное потомство. Почему же боги отвернулись от меня? Дай мне лекарство от моего бесплодия, я слышала, что ты умеешь лечить такие вещи. Сейчас умрет мой отец, мой господин заберет меня сюда, и тогда никто не спасет меня от смерти, его жены не простят мне того, как я жила.

– Да, здесь ты права, наши женщины настроены решительно против тебя.

Про себя Изольда подумала: «Да, верно рассуждает девчонка, здесь у нее не будет жизни. Но тело ее не сможет зачать, и тут я бессильна».

Между тем Бенну продолжала:

– Вот видишь, госпожа, я не напрасно волнуюсь...

И тут Изольде в голову пришла счастливая мысль. Перебив Бенну, она сказала:

– Я, кажется, знаю, как помочь тебе! Только учти, все, о чем мы здесь с тобой будем говорить, останется в тайне. Иначе пострадаешь, прежде всего, ты.

Бенну умоляюще сложила руки:

– Я обещаю, что все, что вы здесь скажете, умрет вместе со мной.

– Тебе придется много обманывать, в том числе и близких тебе людей, ты готова сделать это?

– Чтобы изменить свою жизнь, я готова на все, госпожа.

Старуха заулыбалась.

– Со временем я сделаю из тебя блестящую помощницу господину, и тогда он больше не отвернется от тебя. Ты получишь долгую молодость, длинную жизнь, и господин будет регулярно спать с тобой.

Лицо Бенну омрачилось:

– Ты предлагаешь мне убивать людей? Я сразу говорю, что я не смогу сделать это. До сих пор та наложница стоит у меня перед глазами...

Старуха прервала ее:

– Ни о чем не зарекайся, Бенну. Я не предлагаю тебе убивать сейчас. Но ты еще не понимаешь, что ложь мало чем отличается от убийства.

– Но она же может быть и во благо?

– Ложь во благо? Это придумали люди. Для Амона есть только ложь, или только правда, другого нет.

– Прости, госпожа, но я не очень верю в это. Я сейчас стараюсь обманывать папу, делаю вид, что мне хорошо, он мне верит и не волнуется обо мне. Что в этом плохого?

– Хорошо, Бенну, не будем спорить об этом, но я должна была предупредить тебя. Сейчас ты делаешь первый шаг к своему счастью. Твой обман укрепляет силы твоего господина, любая ложь делает его сильнее.

Девушка не понимала Изольду, она с нетерпением ждала, что же та ей предложит? А Изольда предложила Бенну сесть рядом и продолжила:

– Понимаешь, сама ты родить не сможешь, уж поверь мне. Я в таких вещах хорошо разбираюсь. Я предлагаю тебе инсценировать беременность и роды. Ты получишь ребенка, Сененмут получит наследника, все будут счастливы и довольны.

– Но где я возьму ребенка? – удивилась Бенну.

– Об этом не тревожься, я достану тебе его.

– Ты убьешь его мать? – в ужасе вскрикнула Бенну.

– Что ты, дуручка!.. Я ведь тоже знаю про калитки, я возьму тебе ребенка в доме малютки. Я знаю время, где женщины только и делают, что бросают детей. И скажу тебе по секрету – так иногда делают женщины, которые забеременели от твоего мужа во время шабаша. Он потом собирает их по детским домам, когда те подрастут, для того чтобы те служили ему. Из них вырастают самые надежные слуги. Ты ведь часто наблюдала, что в доме у господина появляются новые люди?

Глаза у Бенну полезли на лоб.

– Но это в основном молоденькие девушки! Значит, он спит со своими детьми?!

Старуха поняла, что сболтнула лишнее. Она попыталась выкрутиться:

– Бенну, как ты могла так подумать о нашем господине?! – вскричала она в негодовании. – Ведь он собирает еще и чужих детей, поэтому их появляется в доме так много. Ладно, Бенну, хватит обсуждать господина. Лучше я тебе подберу ребенка от него. Ему будет приятно. А сегодня ты объявишь Сененмуту, что ты беременна. Твоей беременности почти четыре месяца. С этого времени, как правило, начинает расти живот. Ты скажешь ему, что я нашла у тебя беременность, а ты даже не подозревала об этом, потому что была приговорена на бесплодие. Ты спасешь Сененмута, вернешь ему радость и желание жить.

Тебе придется искусственно увеличить живот. Я думаю – это не проблема. Только учти, больше ты не разденешься ни перед кем. Про бассейны забудь, а то, что ты не ела последнее время, так это хорошо – тебя тошнило. И выглядишь ты плохо, это всегда так бывает при беременности. Рожать ты будешь здесь, у меня, все его жены рожают здесь.

Бенну начинало нравиться то, что предлагала ей Изольда. Когда-то и ее мама тоже предлагала ей сделать это, но тогда она даже и думать не могла об обмане.

Свой первый обман она сделала ради мамы, тогда она стала обманывать своего господина. Потом обманывала папу, и теперь это стало для нее привычкой. Она без труда будет обманывать всех ради своего счастья. Она не будет одинокой, через пять месяцев у нее появится сын. Мама говорила, что не играет роли, рожу я его или нет, для меня он будет как родной.

– Ну, чего молчишь? – старуха дергала ее за рукав.

– А как же господин? Он согласится? – спросила тревожно Бенну.

– Ну, за этим не тревожься, это я беру на себя. Он сделает так, как я скажу.

А про себя старуха заметила: «Скоро твой обман приведет тебя и к убийству, потому что раньше, когда ты любила и не обманывала его, ты разрушала его. Сейчас, когда твоя жизнь будет пропитана ложью, ты начнешь служить ему, и все пойдет как по маслу. Надо немедленно обсудить все с господином. А план-то неплох, очень даже неплох!»

Старуха от удовольствия потирала руки. Радовалась и Бенну, она уже чувствовала себя беременной. Вот так Изольда! Амон не помог ей, а та, от которой она не ожидала ничего хорошего, придумала такое. Это решит все ее проблемы. Бенну встала и поклонилась старухе. Она без сожаления отдавала свое ожерелье, сейчас она купила за него свое счастье. Изольда тоже вскочила, она проводила Бенну до двери и сразу же бросилась к господину. Надо было успеть до того, как он займется своей хананеянкой. С этой евреечкой он точно исчезнет надолго, уж больно она хороша. По опыту Изольда знала это, поэтому сейчас надо решить вопрос о беременности Бенну. Надо показать господину, как это будет выгодно для него.

Она пулей влетела на половину господина и без доклада ворвалась в его покои. Только она могла себе позволить это. Еще с порога она закричала:

– Господин, у меня важный разговор!

Минос лежал на высоких подушках и курил кальян. Он с удивлением взглянул на Изольду и поморщился:

– Изольда, что за вид?

Она вспомнила, что не успела переодеться. Господин не любил, когда она приходила к нему в лохмотьях. Махнула рукой:

– Я спешила, господин. Ты застрянешь надолго с этой девчонкой, хорошо, что ее еще нет здесь.

Он перебил ее:

– Изольда, а она правда так хороша? Я уже весь в нетерпении.

– Да, господин, ты же знаешь, я могу подобрать тебе то, что ты хочешь. Скоро ее приведут, и ты сам убедишься в этом. Но мое дело не требует отлагательств. Это касается Сененмута. Послушай, у меня есть план, надо подкинуть ему наследника, сделав Бенну беременной.

В раздражении Минос прервал ее:

– Ты же знаешь, что это невозможно...

Изольда не призналась господину, что уже поговорила с Бенну и все решила, поэтому она произнесла:

– Постой, Минос, не перебивай меня. У тебя так много детей, что ты потерял им счет. Ведь необязательно Бенну рожать. Можно просто объявить ее беременной. Она с удовольствием походит с подушкой на животе. Я расскажу ей о брошенных сиротах, о том, что Сененмуту нужен наследник, иначе он умрет. Наследником будет твой сын. Я подберу кого-нибудь из твоих жен, у нас сейчас полно беременных. Хочешь из царских кровей? Настоящую мамашу мы отправим в поля Иалу, а ребенка отдадим Бенну. Этой курице ничего больше и не надо. Более того, я начну готовить ее к служению тебе. Ее ложь придаст тебе силы. Ты ведь подписал с ней контракт, вскоре она сможет убивать. Сененмут получит наследника и с радостью завещает все дворцы и земли своему внуку, то есть тебе. Мы будем и дальше подсыпать ему зелье, и он отдаст свой дворец твоему сыну еще при жизни.

Минос радостно посмотрел на Изольду:

– Да, я никогда не ошибался в тебе, Изольда. Это все мне нравится. Только знаешь, ребенка возьми не из этого времени. Лучше у какой-нибудь ведьмочки, последнее время было много посвящений. Так будет надежней, может быть, он пригодится мне в дальнейшем.

Такого поворота событий Изольда не ожидала, она спросила в недоумении:

– А как же я смогу убить ведьму?

– Придумай что-нибудь. Не обязательно убивать, можно просто украсть ребенка и все. Все равно все они расстанутся с детьми через пять лет, ты же знаешь наш закон.

Изольда боялась связываться с ведьмами, поэтому она гнула свое:

– Но по закону ты должен оставить ребенка у матери до пяти лет.

– Не смеши, Изольда, свое обязательство всегда можно нарушить.

Было видно, что разговор наскучил ему, и ей не удастся убедить его. Он потянулся и добавил:

– А теперь ступай, прикажи привести девчонку, надеюсь, она уже готова.

Изольда низко поклонилась и, пятясь задом, вышла из комнаты: «Черт подери, это будет нелегко, так как обдурить ведьму очень сложно. Миноса подставлять нельзя, и в случае неудачи ей не поздоровится», – подумала она. Потом махнула на все это рукой.

«Ладно, что-нибудь придумаю. Впереди еще пять месяцев», – решила она. «А все-таки, я – голова, опять угодила господину!»

Она с отвращением взглянула на себя в зеркало, которое стояло тут, перед входом в комнату господина. Его здесь специально поставили, чтобы жены и наложницы, перед тем как войти к господину, могли поправить свои одежды и привести себя в порядок. Из зеркала на нее смотрела отвратительная морда с единственным глазом и страшным желтым клыком.

«Ничего, вот скоро достанем книгу, тогда господин даст ей новое тело, желательно Алискино, вот хороша она, так хороша! Да к тому же бесплодна. Не надо будет рожать». Она терпеть не могла детей. Старуха почмокала губами в предвкушении будущих побед и побрела проверить, как подготовили хананеянку. Везде нужен ее контроль.

4

Бенну просто летала по комнате, ее радости не было предела. В сундуке она нашла бандаж, который купила еще в Лас-Вегасе, во время своего свадебного путешествия.

Тогда она не подозревала о своем бесплодии. Сейчас этот бандаж ей пригодится. Она нацепила его, выудила из сундука шерстяной шарфик и засунула его в бандаж, подбежала к зеркалу и залюбовалась собой. Животик слегка наметился, ровно настолько, чтобы быть чуть заметным. Вот так она теперь будет ходить всегда. И даже спать она будет ложиться в этом бандаже. Впервые за последнее время она запела.

Испуганный раб вскочил в комнату и замер в изумлении. Такой он еще не видел хозяйку. На радостях Бенну даже простила ему этот вольный поступок – ведь без вызова никто не смеет заходить в ее комнату. Сейчас она почувствовала себя явно беременной: у нее вдруг проснулся волчий аппетит.

– Сид, впредь больше не врывайся ко мне без приглашения. Сейчас я прощаю тебя. У меня хорошая новость: я была у Изольды, она обследовала меня и сказала, что я беременна.

Она увидела, что глаза раба радостно блеснули. Бенну знала, что он не посмеет с ней заговорить, поэтому продолжала:

– Принеси мне папирус, я напишу папе письмо. Ты отнесешь ему домой. И вели накрыть стол. Я должна теперь есть за двоих!

Сид пулей выскочил за дверь исполнять приказ. Весь дом мгновенно узнал об удивительной новости.

А Бенну радостно подумала:

– Ну вот, осталось потерпеть каких-то четыре-пять месяцев, и у нее появится сын, он будет сыном ее возлюбленного, а значит – ее сыном. Она будет любить обоих. Ее дворец наконец станет живым. А потом, на все воля Амона, я выпрошу у Изольды сестричку моему сыну. Только нелегко будет обмануть папу, ведь он обязательно захочет послушать, как в животе двигается его внук. Придется на это время куда-нибудь уехать. Но как это объяснить отцу?

Она отогнала от себя эти мысли, решив: вот придет срок, и буду думать.

В дверь резко постучали. Ее сердце тревожно забилося, обычно так громко никто не смел стучаться к ней в комнату. Что-то случилось? Она сама подбежала к двери и распахнула ее. На пороге стоял Сенах. Он был бледен.

– Сенах!? Как ты напугал меня! Ты разве не знаешь, что мне нельзя нервничать?

– Простите госпожа, я не хотел вас пугать, я только что вернулся, – его голос задрожал, – вы что, заболели?

– Нет, Сенах, нет.

Бенну счастливо рассмеялась:

– У меня хорошие новости! Я – беременна!

Сенах в изумлении уставился на нее:

– Но еще сегодня утром я видел вас у бассейна, и было все в порядке.

– Что значит в порядке? О чем ты говоришь?

Сенах спохватился:

– Простите, госпожа, я хотел сказать, что живота у вас еще не было.

Бенну понимала, что обмануть Сенаха будет труднее всего, но с отчаянием она принялась защищать то, во что уже сама поверила.

– Сенах, неужели у беременных сразу отрастает живот? И вообще, все зависит от строения таза. Понимаешь, я думала, что заболела, совсем не было аппетита. Я пошла к Изольде, она обнаружила беременность. Она уверена в этом на сто процентов. И вообще, Сенах, я не понимаю, ты что, не рад?

Сенах был смущен:

– Простите, госпожа, это так неожиданно.

– Ой, ты же от мамы! Я совсем забыла, ну, скорей рассказывай, что там?

– Теперь не знаю, что и сказать, ведь вам нельзя нервничать.

– Говори, Сенах, что там?

– Она пропала. Вернее, ее домашние думают, что она в больнице на сохранении, но я проверил, ее там нет. Я подозреваю, что дело плохо.

– Как!? Разве может пропасть человек, тем более мама, ведь она обладает такой силой?!

– Ее увезли на машине «Скорой» помощи в неизвестном направлении. Я попробовал отыскать ее, но безрезультатно.

– Откуда ты это узнал?

– От Ирочки, – сказал он и покраснел.

Не замечая его смущения, Бенну продолжала спрашивать.

– Ирочка, это ее прислуга? Ты говорил с ней? А как ты объяснил, кто ты?

– Мне пришлось за ней поухаживать, – сказал он и опустил голову.

– Сенах, почему ты смущаешься? Разве это плохо? Ведь ты свободный мужчина и вправе ухаживать за девушками.

Сенах еще больше засмутился:

– Мне это не понравилось. У меня было ощущение, как у той мухи.

Бенну проследила за направлением его взгляда и увидела паутину на окне. В этот момент какая-то легкомысленная муха залетела в паутину и застряла в ней. Почувствовав сотрясение паутины, большой паук, сидевший в центре, подскочил к ней и стал усердно обматывать муху своей паутиной, позволяя ей запутываться в ней все больше.

– Ой, бедная мушка! Откуда взялся здесь этот отвратительный паук?

Не слыша ее слов, Сенах продолжал:

– Я чувствовал себя, как эта муха. Что за женщины в том времени? Сразу пытаются затаскать тебя в постель.

Бенну, представив себе эту ситуацию, захохотала:

– Сенах, скажи, а что, у тебя никогда не было девушки?

Бедный Сенах готов был провалиться сквозь пол. От стыда на его глазах выступили слезы. Бенну почувствовала, что зашла слишком далеко. Примирительным голосом она произнесла:

– Прости меня, я не должна была затрагивать эту тему. Но что теперь делать? Как помочь маме? Ты должен вернуться и попробовать что-нибудь сделать.

Сенах с благодарностью взглянул на хозяйку:

– Да, мне придется вернуться. Нужно, чтобы родственники заподозрили неладное и начали ее искать. Мне очень неприятна эта Ира. Но ради вас, госпожа, я пойду на это, – сказал он и густо покраснел, отведя от нее свои глаза.

Бенну с тревогой посмотрела на Сенаха: «Неужели он действительно влюблен в нее? Бедный Сенах! Это самое худшее, что с ним может случиться. Ведь ее муж, если узнает об этом, просто убьет его». Бенну задумалась. Вот если бы отец выдал ее за Сенаха. Могла бы она его также любить как Миноса? Наверное, нет. Она так тосковала по мужу! Сейчас он развлекается с очередной наложницей. Она такая красивая. Сегодня она видела, как ту готовили к встрече с ним.

Сенах неотрывно смотрел на Бенну и, видя, что госпожа задумалась и больше не замечает его, тихонько вышел, не смея больше тревожить ее своим присутствием. Его сердце пронзила тревога.

Эта беременность Бенну не принесла ему радости. Ведь у него была мечта: он спасает Бенну от ее мужа. Он видит, что тот не любит ее, а потому вскоре захочет избавиться от нее.

Но теперь, с этой беременностью, его надежды рухнули. Он был уже взрослым мужчиной, но до сих пор не знал ни одной женщины. Они казались ему отвратительными из-за откровенных взглядов, из-за бесстыдных движений, попыток привлечь его внимание. Но Бенну другая. Она вся настоящая, она никогда не притворяется. А как она любит своего мужа! Он всегда тайно наблюдал за ними, обгрызая свои ногти в кровь от зависти. За один такой ее взгляд, брошенный на Миноса, он мог бы отдать всю свою жизнь. На что может надеяться раб, когда Бенну так любит своего господина?

Мысль о любви к Бенну казалась ему то безумной, то правильной, проникала в его сердце, дразнила его. Сенах знал только одно: он всегда будет любить эту маленькую женщину-девочку, всегда будет рядом с ней, и может быть, когда-нибудь ему повезет и он отдаст за нее свою жизнь. Что еще может сделать мужчина, который не имеет ни рода, ни племени? Он – только раб, и теперь ему больше не нужна свобода. Раньше он все ждал, что, возможно, его родители найдутся, но прошло столько лет, и надежды больше не было.

5

Сenenмут стоял перед верховным жрецом, опустив голову. Солнце нещадно палило прямо ему в макушку. Жрец сидел на возвышении, так что ноги его были на уровне глаз Сененмута. Лицо жреца было похоже на застывшую маску. Еще никогда Сененмута так не унижали. Разве мало он сделал для храма Амона? Попробуй сосчитай, сколько золота пожертвовал Сененмут?

Как назло, со стороны пустыни сегодня дул горячий ветер Сетх, который принес редкую для этого месяца жару. Капли пота сползали по шее, смешно щекотали спину, заставляя его дергаться, совершать какие-то мелкие движения, еще больше раздражавшие его. Но обиднее всего было унижение: раньше, когда Сененмут посещал храм, верховный жрец сам встречал его как своего лучшего друга. Для него накрывался стол и затевались долгие беседы о фараоне, о жизни Кемета.

Да, так было раньше. Сколько лет длилась их дружба? С тех самых пор, как Сененмут убил свою беременную жену. При этих воспоминаниях он тяжело вздохнул. А ведь в чреве его жены был сын, это выяснилось, когда из нее сделали мумию и положили в гробницу.

Сам верховный жрец готовил ее в последний путь, он и сказал ему о сыне. Лучше бы не говорил. Из-за этого его жизнь превратилась в ад. Зачем сейчас верховный жрец вызвал его? Сененмут уже давно никуда не выходил и никого не принимал. Фактически, душой он уже

умер. Кто такой Сененмут? – Никто. Нет продолжения рода – нет человека. И в долине мертвых не рождаются дети, значит, ходить ему там всю вечность, и не найдет он покоя никогда.

А верховный жрец был талантливым психологом. Он знал, как вернуть Сененмута к жизни. Сейчас любая эмоция пойдет ему на пользу. Пусть испытает немного унижения, это встряхнет его. Аменхотеп, так звали верховного жреца, сохранял молчание. Молчал и Сененмут, не смея заговорить первым. Он думал: «Что хочет от меня этот старый осел? Упивается моим унижением? Конечно, даже женщины моего гарема перестали уважать меня. Я ни одну из них не сделал счастливой, кроме, пожалуй, той, которая родила мне Бенну, мою прекрасную птичку, но моя дочка унаследовала мое проклятие, она так же бесплодна!»

При воспоминании о Бенну лицо Сененмута тронула горькая улыбка.

Аменхотеп сразу почувствовал, что пауза должна завершиться. Его речь звучала, как резкий выпад.

– Сененмут, ты уже построил Дом Вечности?

Сененмут вздрогнул от этого вопроса, но постарался скрыть обиду. Со смирением в голосе сказал:

– Да, учитель, гробница готова.

Он всегда с почтением называл жреца учителем. Аменхотеп нахмурился:

– Сколько тебе лет, Сененмут?

– Почти сорок.

Легкая улыбка тронула бледные губы Аменхотепа.

– И ты считаешь, что тебе пора отправиться на поля Иалу? Ты знаешь, что только Амон может определить твой срок пребывания здесь, среди нас? Непочтительный сын, ты не боишься наказания?

Сененмут со злостью подумал: «Ничто на свете не может изменить моего решения закончить земную жизнь».

Пряча глаза от учителя, произнес:

– Все в руках у Амона.

В храме повисла тяжелая тишина, нарушаемая только прерывистым дыханием Сененмута. Тот терпеливо ждал, когда же наконец жрец оставит его в покое. Но Аменхотеп и не думал заканчивать беседу. Он порывисто встал с трона и быстрыми шагами подошел к Сененмуту.

– Посмотри на меня, мне шестьдесят, я – глубокий старик, но я еще не собираюсь туда.

Сененмут подумал: «Конечно, чего тебе собираться, твоя дочь Хатси принесла тебе двух очаровательных внуков. Вот и сейчас их смех доносится до ушей Сененмута. Видно, пришли навестить деда».

– Ну, чего ты молчишь, Сененмут? – наконец в голосе Аменхотепа послышалось участие.

Вдруг горячие слезы жалости к себе самому полились из глаз Сененмута. Жгучий стыд пронзил его. Но теперь ему все равно, пусть учитель оставит его в покое. Аменхотеп обнял Сененмута, прижал его к себе и принялся неловко утешать.

– Пойдем со мной, Сененмут, я обещаю тебе, что вскоре твоя жизнь изменится к лучшему. Надо только отказаться от мысли о смерти.

Сененмут шел за верховным жрецом, ничего не видя вокруг. После неприятного разговора с учителем горько было на сердце. Сененмут старался подавить в себе это чувство и принять равнодушный вид. Только что он прошел еще через одно унижение – он уже плачет как женщина. Хорошо, что это случилось перед старым другом, он уверен, что тот никому не расскажет об этом.

А Аменхотеп смотрел на Сененмута с жалостью. Что время и переживания творят с человеком? Из здорового красавца Сененмут превратился в сморщенную мумию. Он вел его по длинному коридору храма к потайной двери. Здесь он надежно спрячет его от Миноса и его слуги. Здесь они его не достанут. И если это правда – то, о чем рассказала ему Халли, – то

он сможет вернуть Сененмута к жизни. Но рассказать напрямую обо всем Сененмуту он не может: во-первых, дал слово Халли, а во-вторых, Сененмута эта новость просто убьет, сейчас он очень слаб.

Внезапно перед ними возник слуга, он низко поклонился им и молча передал Аменхотепу свиток. Тот пробежал по нему глазами, и его лицо озарилось радостью. Он подумал: «Амон не оставил нас. Какая радость! Теперь тебе нет смысла умирать, но спрятать тебя все-таки придется». Но вслух он ничего не сказал. Молчал и Сененмут, его вообще больше ничего не интересовало.

«Куда он ведет меня? – вяло думал он, – разве это что-то изменит? Решение принято, и я не отступлюсь, уже пожил, намучился, хватит. Куда ведет его старый истукан?» Вон идет рядом с ним и радуется. Он и без него знает о своем грехе. Лучше бы на него накинута черная болезнь, которая часто пожирает людей Кемета, и увела бы его на поля Иалу. Но нет, блаженных полей ему не достигнуть! Разве сможет он на суде Осириса отречься от своих черных помыслов? «Да, я хочу смерти. Пусть это самый великий грех перед Амоном! Но мое время пришло, глупый жрец!»

Между тем, они подошли к потайной дверце. Вернее, дверцы и не было. Аменхотеп подвел его к статуе воина, нажал на потайной рычажок, и стена открылась, они нырнули в узкий проем. И тотчас же проем у них за спиной закрылся. Они очутились в крошечной тьме. Но Аменхотеп хорошо знал дорогу. Пройдя метров десять, они наткнулись на вторую дверь. Странное ощущение охватило Сененмута – холодок в груди и легкое покалывание, непонятный страх змейкой проникал в его сердце. Аменхотеп открыл дверь. Как он ее открыл, для Сененмута осталось загадкой. Они очутились в небольшом помещении. В полу был устроен каменный бассейн, до верха наполненный водой. Жрец и Сененмут совершили омовение.

– Сейчас мы войдем в святилище, поэтому необходимо обмыть наши тела от земного праха и нечистых желаний.

Только сейчас Сененмут заметил еще одну дверь. Неужели он, Сененмут, простой смертный, попадет в сердце храма Амона? Только единицы удостоивались такой высокой чести.

Шепча молитвы, верховный жрец сломал печать на двери святилища и переступил его порог. Взмолвленный, с бьющимся сердцем, шагнул вперед и Сененмут. Но это еще не было святилищем, эта комната была только преддверием его. Аменхотеп опустился на колени и нажал на какой-то невидимый глазу выступ на каменной плите пола. Плита отодвинулась, и их взору предстала обширная зала, заставленная искусно выполненными статуями богов. В самом центре зала Сененмут увидел статую бога Амона-Ра – владыки богов. По правую руку от него восседала его супруга Мут, а по левую – их сын Хонсу.

– Смотри, Сененмут, – тихо сказал Аменхотеп, – видишь эту прекрасную фиванскую триаду? Я вывез ее из Фивы, великий фараон подарил мне ее. Время всегда летит, как птица, гонимая ветром, и удержать его даже великим богам не под силу. День сменяется ночью, так было всегда. Каждый человек стремится остановить время, но старость, этот отвратительный слуга вечности, приходит неумолимо к каждому из нас. И даже боги подвержены течению времени, они рождаются и умирают, когда люди перестают их помнить. Я собирал этих богов по всей нашей земле, чтобы потомки как можно дольше помнили их. Мне хочется продлить им жизнь.

Сененмут почти не слышал слов учителя. Он уставился на сына Амона и Мут – Хонсу. Он считался богом луны, прогоняющим злые силы. Его всегда изображали как мальчика, сейчас он насмешливо смотрел на Сененмута, вызывая в нем смешанные чувства.

– Сейчас мой сын был бы таким же, – подумал Сененмут.

Аменхотеп почувствовал, что Сененмут не слушает его. Он увидел, что тот с горечью смотрит на мальчика.

– Сененмут, – воскликнул Аменхотеп, – тот от неожиданности даже вздрогнул, – ты не умрешь, у тебя будет наследник!

Сененмут с трудом оторвал взгляд от статуи мальчика и с горечью произнес:

– Это очень жестоко, Аменхотеп, а ведь я считал тебя самым близким моим другом!

– Присядь, Сененмут, я знаю, что радость тоже может убивать, а я этого не хочу. Ты слишком слаб, поэтому я так тщательно готовлю тебя к ней.

– Радость? Я уже забыл, что это такое, – ответил с горечью Сененмут.

Но Аменхотеп сделал вид, что не заметил слов друга, он вдруг спросил:

– А ты случайно не помнишь, когда Минос появился в Кемете?

– Я отлично помню, когда это было. Я встретил его возле храма Бэсу. Он помог мне вынести из храма мою любимую жену, которая умерла от моей руки.

– Не от твоей, Сененмут, она умерла от укуса змеи, – нетерпеливо перебил его Аменхотеп.

– Ну хорошо, какая разница! Минос был рядом, он принял драгоценное тело и позвал моих слуг. За эту услугу, в тот же день, ты подарил ему часть земель Кемета.

– Да, Сененмут, и с этого периода в Кемет пришли беды: заболел наш фараон Тутмос II, и это при том, что наследник еще не родился. Слава Амону, сейчас его жена беременна. Но родится ли мальчик? А если нет? Кто будет править страной, когда фараон умрет?

«Господи, – подумал Сененмут, – какое мне дело до страны? Меня уже не будет. А этот счастливчик фараон все-таки сумел обрюхатить Иси, эту глупую дурочку, свою вторую женушку. Первая жена принесла ему дочку. Счастливый дурак! Вот если бы у него вообще не было потомства, как у меня! Ведь Бенну не в счет», – при мысли о дочке его сердце болезненно сжалось. «Она так же страдает, как и я. Она должна страдать за мой грех. А ей еще хуже. Что с ней будет дальше?» Думать об этом ему было страшно.

– О чем ты думаешь, Сененмут?

Сененмут никогда не обманывал Аменхотепа, поэтому произнес:

– Я думаю о Бенну. Несчастливая девочка! Все время плачет и пытается скрыть это от слуг.

– Вот о ней я и хочу поговорить. Она все еще любит своего мужа?

– А разве может быть по-другому? Для нее муж – это почти что божество. Ты знаешь, как я воспитывал ее.

– Знаю, но знаю и другое. Твой зять нарушает все наши законы. Самое ужасное, что Хатшепсут – первая жена фараона – путается с Миносом. Он портит чужих жен, хотя его гарем самый многочисленный в Кемете.

С болью в голосе, Сененмут прошептал:

– Бедная моя девочка, она очень страдает от этого!

– Ты о Бенну?

– Конечно, она все время одна. Ее супруг даже не навещает ее.

– Ладно, Сененмут, я вижу, что твои мысли направлены только на страдание. Ты почти умер, но я все-таки хочу вернуть тебя к жизни. У меня для тебя хорошая новость.

Он пылливо посмотрел на Сененмута и произнес:

– Только обещай мне встретить эту новость спокойно, я не хочу потерять тебя.

– Слушай, Аменхотеп, ты уже замучил меня своими намеками, говори, что ты хочешь сообщить мне?!

– Хорошо, Сененмут, на вот, почитай это.

Он протянул другу свиток. Тот взял его, медленно развернул и начал читать. И вдруг отхлынуло все, что он испытывал до сих пор, великий покой хлынул широким потоком в его сердце, словно вечность раскрыла перед ним свои объятия, словно отлетела жизнь со всеми ее горестями, и раскинулись перед глазами блаженные поля Иалу, словно он перестал быть собой. Его руки задрожали, из глаз закапали слезы, но это не были слезы боли, это были слезы

его радости. С трудом он оторвал взгляд от этого чудесного письма и со всех ног бросился к подножию статуи Амона.

– О Амон, о мой бог, я преклоняюсь перед твоим именем, о великий Ра – Иукаса, о правитель всех богов земли, имя твое Амон-на-ан-ка-антек-шаре, спасибо тебе за то, что ты простил меня! Ты наконец услышал мои молитвы! Я обещаю принести тебе великие жертвоприношения, если у моей девочки родится сын!

Аменхотеп подошел к нему и, положив руку на плечо друга, произнес:

– Встань, Сененмут, теперь у тебя появится много времени, чтобы молиться Амону. Тебе придется пожить здесь...

– Что ты говоришь!? – вскричал в негодовании Сененмут. – Я должен быть рядом со своей девочкой! А вдруг ей что-нибудь понадобится? А вдруг Минос обидит ее? Кто ее защитит?

– Не волнуйся, Сененмут, я прослежу за ней. А ты все-таки должен будешь пожить здесь. Он привел свой последний довод, на который, он знал, Сененмут не сможет ответить отказом:

– Я горячо молил Амона даровать тебе наследника и поклялся ему, что если это сбудется, ты поживешь в храме. Ты будешь молиться Амону каждый день, но не только Амону. Пришла пора возвращать долги, Сененмут. Смотри, вот Бэс – бог семьи, веселья. Вот Хатор – богиня любви, радости, танцев. А это богиня Тефнут – богиня влаги, рядом Нут – богиня неба, это Геб – бог земли.

Аменхотеп и Сененмут обходили статую за статуей, с любовью дотрагиваясь до каждой, учитель обращался с ними, как с живыми, называя каждую своим именем.

– Случилось великое чудо, Сененмут, никто не думал, что Бенну забеременеет. Но теперь ты должен вернуться к жизни. Я не знаю, как далеко зашел ты по дороге к смерти. Поэтому я хочу, чтобы ты восстановил свое тело, ты еще молод, Сененмут. Я хочу предложить тебе должность чати – верховного советника. Ты знаешь, это самая высшая государственная должность в Кемете. Фараон слушает каждое мое слово, поэтому добыть тебе эту должность мне не составит труда. Нам надо помочь Кемету и обуздать Миноса, иначе он без войны разрушит наш город.

Да, теперь Сененмут не хочет умирать. Однажды Бенну уже возвращала его к жизни. Он вспомнил, как утонула его родная дочь. Он нашел новую Бенну взамен своей утонувшей дочери. Тогда девочка спасла ему жизнь, она вернула ему счастье. Сейчас происходило то же самое.

– Аменхотеп, я попрошу Бенну, если родится сын, дать ему твое имя, ведь оно означает «Амон доволен». А сейчас я хочу увидеть свою девочку, увижу и вернусь сюда.

– Нет, Сененмут, ты не выйдешь отсюда месяца три-четыре. Так я обещал богам. Пойдем, я покажу тебе твою комнату.

Сененмут понял, что перечить старому другу бесполезно. Поэтому он с покорностью последовал за ним. Они покинули огромную залу, прошли по узкому коридору и оказались перед огромной резной дверью, украшенной причудливым орнаментом. Аменхотеп толкнул ее, и они очутились в библиотеке.

Показывая рукой на многочисленные полки, Аменхотеп произнес:

– Здесь хранятся древние свитки, которые ты сможешь прочесть. Для твоей новой должности это просто необходимо.

Сененмут скользнул глазами по широким полкам со свитками, а его друг уже тащил его дальше.

– Нет, здесь мы не задержимся долго, пошли скорее. У тебя для этого будет достаточно времени.

Толкнув следующую дверь, они очутились в спальне.

– А вот твои покои, Сененмут. Здесь тебе будет служить Рани.

Взору Сененмута открылась такая картина: посреди просторной комнаты стояла широкая кровать, пушистые ковры покрывали стены и полы комнаты. В углу комнаты, в огромной резной кадке, стояла низкая, раскидистая пальма. На столике у кровати он увидел широкую вазу, наполненную белым и розовым тамариском. Тамариск источал вокруг нежный аромат. Кругом царила невиданная роскошь. Но богатство комнаты блекло от вида прекрасной девушки, которая стояла перед ними. Рани была невысока ростом, но казалась высокой – так строен был ее тонкий стан. Кожа ее была смугла, она отливала тем чудесным золотым блеском, который не был присущ женщинам Кемета. Взгляд ее больших черных глаз ослепил, как молнией. Эти глаза показались Сененмуту знакомыми. Он застыл, пораженный такой редкой красотой. Аменхотеп подошел к ней и что-то шепнул на ухо. Девушка подбежала к стене, сорвала с нее два кинжала и принялась танцевать. Она приставила кинжалы ко лбу, и начала вращать их в одном направлении, а сама закружилась в обратном. Сененмут, не отрываясь, глядел на девушку, и, пока та плясала и порхала, его лицо становилось все мрачнее. Временами его озадряла улыбка и из груди вырывался вздох, но в улыбке было еще больше скорби, чем в самом вздохе.

Наконец девушка остановилась. Порывисто дыша, она склонила свои колени перед Сененмутом.

– Добро пожаловать, господин. Этот танец – подарок вам. Я так рада видеть вас! С этой минуты я – ваша рабыня. Приказывайте, мой господин! Я исполню любой ваш каприз.

Но Сененмут отнюдь не был рад ей. Овернувшись к Аменхотепу, он произнес:

– Послушай, я не сделал счастливой ни одной женщины. Зачем этой девочке такое? Она так прекрасна и заслуживает лучшей участи. От нее народятся красивые дети. Эта девушка не для меня.

– Кто ты такой, Сененмут, чтобы судить об этом? Ведь с Бенну сняли проклятие, а ты не думал, что и с тебя тоже?

– Но Бенну беременна уже четыре месяца, а мои женщины все еще бесплодны!

– А когда ты последний раз спал с женщиной?

Как ни пытался Сененмут вспомнить это, но так и не смог.

А Аменхотеп продолжал:

– Рани – дочь царя Митанни. Ее отца убили, мать взяли в плен, она умерла при родах. Девочка выросла здесь, в храме. Так что у Рани в жилах течет царская кровь. Если она понесет от тебя, то ты можешь сделать ее своей женой. Посмотри на ее бедра, она просто создана для материнства. А грудь? Сама девушка так и пышет здоровьем. К тому же, с ней тебе не будет скучно, она очень умна. Она будет служить тебе, скрашивая твое невольное одиночество. Я не смогу часто навещать тебя. Фараон болен, и я должен быть возле него. К тому же, я всегда любил Рани как дочь, и обещал ей, что она сама выберет себе мужа. И вот, тебе очень повезло, Сененмут, она выбрала тебя.

Девушка умоляюще сложила руки на груди и заговорила:

– О, мой господин, не отвергайте меня, я так ждала этого момента. Я всегда наблюдала за вами, когда вы приходили к нашему верховному жрецу. С самого раннего возраста я мечтала, что вы заметите меня...

И действительно, Сененмут вспомнил – ему всегда попадалась на глаза маленькая черненькая девочка, он тогда еще думал про нее: «У нее глаза, похожие на глаза газелей, которые живут в саду у Бенну».

– О, вы вспомнили меня, господин! Я вижу это! Я подавала вам чай, помните?!

– Ладно, Аменхотеп, пусть девушка будет со мной, она будет мне как дочь.

Старый Аменхотеп заулыбался, он знал, что перед такой красотой Сененмут устоит едва ли. Не смотря на молодость, Рани прекрасно знает свое дело. Женщины тщательно готовили ее

к роли жены и обучили ее всем премудростям обольщения. Нужно, чтобы кровь его очистилась от отравы, которую подсыпал ему его слуга Гриос.

Аменхотеп хлопнул в ладоши, и в комнату вбежали еще две девушки.

– Это невольницы, Сененмут, я дарю их тебе. Они будут готовить тебе еду, ухаживать за твоим телом. Каждая прекрасно владеет искусством массажа. Больше здесь ты не увидишь никого. У девушек свои комнаты, они всегда будут приходить к тебе на зов. Здесь есть небольшой садик, девушки покажут тебе все. В целях твоей безопасности больше никто не будет иметь с тобой контакта. А твоим домашним ты напишешь письмо, что ты отправляешься к брату по срочному делу.

Сененмут прервал его:

– Но подожди, как же я без Гриоса? Он нужен мне. Я не могу без него жить! Это вызовет подозрения. Давай позовем сюда Гриоса, он отпросился у меня на два дня по своим делам. Сейчас, наверное, вернулся, он знает все мои привычки, Аменхотеп, я без него как без рук.

– Так его нет с тобой уже два дня? – Аменхотеп улыбнулся. – Это прекрасно! Нет, Сененмут, тебе не нужен Гриос. Эти девушки прекрасно его заменят. А я скажу всем, что ты отправился в путь с моим караваном. Более того, я подобрал твоего двойника, и завтра на рассвете караван двинется в путь. Двойник будет закутан в одежды, но многие узнают в нем тебя.

– Я не понимаю, зачем тебе все это, Аменхотеп? Но я подчиняюсь тебе. Тем более, как я понимаю, выбора у меня нет?

– Ты правильно понял меня, и очень скоро ты будешь благодарить меня за это, – с этими словами Аменхотеп покинул Сененмута.

Сененмут дивился такому повороту судьбы. От радостной вести про беременность Бенну он никак не мог прийти в себя. Теперь ему непременно надо жить. Он должен увидеть своего наследника, если повезет, то у Бенну родится сын. Рани тихонько взяла Сененмута за руку, от неожиданности он вздрогнул.

– Ты напугала меня, Рани, – сказал он, убирая свою руку из руки девушки. – Лицо Рани вспыхнуло:

– Неужели вам неприятно мое прикосновение, мой господин? Разве я не хороша собой?

Сененмут совсем смутился:

– Нет, Рани, нет, ты прекрасна! За всю свою жизнь я не видел такой красивой девушки. Но сейчас я еще не пришел в себя.

Девушка ладошкой прикрыла ему губы:

– Нет, господин, молчите. Я могу ждать, сколько вы захотите.

А про себя подумала: «Я все равно стану твоей. Ты не сможешь отказать мне. Если ты не возьмешь меня в жены, я буду твоей наложницей. Мне все равно. Я всю жизнь любила тебя и мечтала только о тебе. Ты – самый лучший из всех мужчин, которых я видела. И мой приемный отец Аменхотеп очень любит тебя. Я буду терпеливой, Сененмут, и я обещаю, что когда-нибудь я сделаю тебя счастливым: я обязательно рожу тебе сына!»

– О, господи, Рани, что ты говоришь!

Девушка даже вздрогнула. Неужели она произнесла свои мысли вслух. Но последующая фраза успокоила ее.

– Чего ты будешь ждать? Ты совсем еще ребенок, не рано ли тебе думать об этом?

– Ребенок? Да по законам Кемета мне давно пора быть замужем. Почему вы отказываетесь от меня, мой господин? Разве я не могу полюбить вас?

– Я верю тебе, девочка, на все воля Амона, но ты должна знать, что я не сделал счастливой ни одной женщины.

– Я буду первой!

Сененмут ласково погладил по щеке обрадованную и смущенную Рани.

– Ладно, Рани, посмотрим. Не будем торопить время, сейчас я должен побыть один. Так много произошло всего.

– Хорошо, мой господин. Я всегда буду рядом. Вы только позовите меня, я тут же прибегу на ваш зов.

Рани поцеловала руку Сененмута и вылетела из комнаты. Сененмут улыбнулся. Его кровь заиграла, а сердце забилось часто-часто.

– Славная девушка! Неужели Амон простил меня?

Сененмут еще раз развернул письмо, написанное Бенну. Он погладил рукой прекрасные строчки, и из глаз снова закапали слезы радости. Сененмут начал горячо молиться Амону. Слова благодарности слетали с его губ. После молитвы он лег на кровать и уснул крепким сном, впервые за последнее время.

Но сон этот не был долгим. Рани прокралась к нему в постель и начала неистово ласкать его. Эта девочка с огромными черными глазами, по возрасту годившаяся ему в дочери, опьяняла и будила в его сердце давно забытое ощущение радости и счастья, которое Сененмут так ни разу и не испытал ни с одной из своих жен. Рани, ласковая и страстная, шептала ему в ухо: «Я буду для тебя молодым вином, которое утолит твою жажду, Сененмут, буду терпкой и горячей, только люби меня, я мечтала об этом всю жизнь!»

Для Рани это был первый мужчина. У Сененмута от этих слов закружилась голова, как будто и вправду напился он молодого вина. Он причинил ей боль, был грубым, яростно входил в нее, а она смеялась ему в ответ, играла с ним, как молодая кошечка, укротившая тигра. Он любил ее снова и снова, он был очень счастлив, еще не понимая, какая огромная любовь вошла в его жизнь.

Чуть позже, откинувшись на подушки, осознав, что он наделал, привлекая к себе девушку, он зашептал ей в ухо:

– Я проклят, Рани, Исида не услышала меня, я не сделал ни одну девушку счастливой...

Рани закрыла его рот своей узкой ладошкой и, вскинув на него свои счастливые глаза, сказала в ответ:

– Теперь засыхающая ветвь вновь покроется цветами, верь мне, Сененмут. Даже если я не стану твоей женой, я все равно рожу тебе сына. Я хочу носить его под сердцем, я хочу родить его для тебя, чтобы сделать тебя счастливым. Эта ночь принесет плоды, ты очень скоро узнаешь об этом, я все посчитала!

Потрясенный ее словами, Сененмут прижал к своему сердцу эту девочку и в первый раз за долгие годы уснул счастливый.

6

Деревня Живописная находилась в пятнадцати километрах от Дальней, где проживала баба Алла. Эта деревня совершенно не соответствовала своему названию.

Жалкие домишки прилепились к дороге, ведущей в Дальнюю, и представляли собой печальное зрелище. Когда-то в деревне бурлила жизнь: здесь был даже свой клуб. Вечером в нем молодежь устраивала танцы. Днем клуб превращался в школу. Теперь все, что было ценного, растащили местные жители. Здание почти развалилось. Оно грустно смотрело на деревню пустыми черными окнами.

Природный газ протянули в Дальнюю, но никто из Живописной не провел себе его. У людей просто не было денег на такую роскошь. Вся молодежь переехала либо в город, либо в соседние деревни. Остались только те, у кого не было сил и средств переезжать куда-либо.

О деревне шла дурная слава, иногда ее называли гиблой. Люди, которые добирались до бабы Аллы, никогда не оставались ночевать здесь: потому что очень боялись нарваться на ведьму. Оставшиеся жители уже ничего не боялись. Доживали себе, больше ни на что не наде-

ясь. Наша знакомая ведьма Изольда родом была именно отсюда. Но она здесь не жила. Так, иногда появлялась на день-два и затем снова исчезала надолго.

Сейчас в деревне постоянно находились только две ведьмы. Одна – молодая, лет пятнадцати, звали ее Нюркой, и старая ведьма Сусанна. Они проживали вместе, и старшая считалась опекуницей младшей. Рождение Нюрки ознаменовалось двойной трагедией. Меньшей трагедией была смерть ее матери во время родов, которые принимала Сусанна. Эта женщина была ее дальней родственницей и умерла от кровотечения, оставив на попечение Сусанны новорожденную девочку. Большой трагедией для Сусанны было то, что Нюрка родилась девочкой. Особенно это стало понятно, когда Нюрка стала превращаться в девушку.

Папы у девчонки никогда не было, вернее, он, конечно, был, но кто папа, мамаша Нюрки не знала, потому что занималась проституцией.

Сусанна поднимала ребенка одна без всякой помощи, каждый день напоминая девочке, что та жрет ее хлеб. Нюрка быстро сообразила, что тяжело работать в деревне – это не для нее. И поэтому пошла по стопам своей покойной матушки, то есть занялась проституцией, как только тело ее приобрело женские очертания. Случилось это к одиннадцати годам. Первого своего клиента она запомнила хорошо. В основном из-за боли, которую ей пришлось пережить по первому разу. Мужик расплатился салом и огурцами.

Он зашел к ним случайно, попросился на ночь. В хате места для него не нашлось, поэтому положили в сарае, где сушили сено. Ночью Нюрка пришла к нему на сеновал. Деловито спросила о деньгах. Денег не оказалось, но он пообещал расплатиться продуктами. Голодной Нюрке и этого было достаточно. С тех пор она стала регулярно этим заниматься. Выходила на дорогу и ловила там клиентов, которые в большом количестве ехали к бабе Алле. Все они обещали заехать к ней на обратном пути. Но баба Алла делала свое дело хорошо, поэтому мужчины, которые возвращались к своим семьям, больше не хотели услуг Нюрки, чем приводили ее в бешенство. Она злилась на бабу Аллу, совершенно забывая о том, что если бы не она, то у нее вообще не было бы клиентов.

Сегодня Нюрка и Сусанна пригласили к себе в гости знакомую ведьму Дуняшу из соседней деревни. Эта деревня находилась в пяти километрах от Живописной и называлась Таежной.

Когда-то давно, еще до революции, на месте этой деревни стояла сторожка. В ней баба Алла прятала семью одного князя, который не успел удрать за границу. Так получилось, что к этой семье подселилось еще несколько семей, которые не хотели покидать родину.

Все они были недовольны властью, но имели кое-какие деньги, и так образовалась деревня Таежная. Жители промышляли в основном охотой и рыбалкой, выращивали скотину. Как ни странно, но деревня процветала. Дома ставились в ней основательные, из векового кедра. Места здесь очень красивые, и климат благодаря теплым источникам был более мягким, чем в Живописной.

В деревне открылся магазин, была своя начальная школа, небольшой клуб. Молодежь не стремилась уезжать в город, не злоупотребляла алкоголем. Парней в деревне было больше, чем девушек, поэтому невест брали из соседних деревень. Считалось, что выйти замуж за парня из этой деревни – большая удача.

Ведьма Дуня была не злой. Подлости делать она не любила. То ли деревня эта на нее так действовала. Но, в отличие от своих подружек Сусанны и Нюрки, она старалась помогать соседям. Она успешно излечивала их от простуды, чирьев и желудочных болей. Вообще-то жители здесь болели редко. Чистый воздух и здоровая пища делали свое дело. Иногда Дуне приходилось принимать роды, но последнее время все старались рожать в городе, так надежнее.

Дуня часто навещала своих подруг, так как в деревне она ни с кем и не общалась. Несмотря на ее добрые дела, люди все-таки опасались сближаться с ней. После нелепой смерти

мужа в прошлом году – его медведь подрал на охоте, – она вообще затосковала. Поэтому так охотно стала приходить в гости к Сусанне и Нюрке.

В хате царил полумрак, так как освещалась она только одной единственной керосиновой лампой, скромно горящей посреди стола. Хата была маленькая – всего-то одна комнатка с русской печкой посередине, двумя лавками вдоль стен, да металлической кроватью с продавленной сеткой. Возле порога пристроился старый сундук, покрытый грязным половичком. Кругом царила страшная нищета!

Три ведьмы собрались за большим почерневшим от грязи столом поговорить «за жизнь».

Нюрка в свои пятнадцать выглядела как ребенок: маленькая, худенькая, ей никто бы не дал больше двенадцати лет. Но огромный живот явно указывал на беременность. Нюрку нельзя было назвать красивой, она скорее была яркой. Она часто брала в руки старый кусочек зеркала и придирчиво разглядывала свое лицо. «Я привлекательна, – думала она о себе. В зеркале отражалась юная девушка, почти ребенок, с продолговатым лицом, обрамленным густыми черными волосами, смуглой кожей, ровными белыми зубами, упрямым, слегка вздернутым подбородком и темными пронизательными глазами. Но если ее лицо и не дотягивало до того, чтобы считаться красивым, то тело восполняло это в более чем достаточной степени. Оно было полно женственности, которую подчеркивали округлости упругой груди, тонкая талия и бедра, которые нагло и зовущее покачивались при ходьбе. Беременность не испортила ее, а даже наоборот, придала ее фигуре некую трогательность.

Ее воспитательница Сусанна когда-то в молодости даже была красивой. Но сейчас от былой красоты не осталось и следа. Скорей она стала похожа на настоящую ведьму: седые космы ее волос, давно не знавшие гребня, торчали в разные стороны, бесцветные глаза ее смотрели на мир взглядом затравленной собаки, а огромный породистый нос украшал ее лицо, на котором прочитывалась вся тяжесть прожитой ею жизни. Одета она была в серую, заштопанную в нескольких местах кофту, в зеленую фланелевую, затертую до дыр, юбку, доходящую почти до самого пола. На ее ногах красовались короткие стоптанные серые валенки. Ее наряд вполне соответствовал обстановке в хате. Она и начала разговор, злобно бросая взгляды на своих товарок:

– Вот я и говорю, как нам жить дальше? В нашей дяревне народу кот наплакал. На кого нагонять порчу? Я совсем больная стала, видно, помру скоро.

Нюрка, стукнув кулаком по столу, закричала:

– Слушай, заткнись, а! Достала совсем. Хочешь сдохнуть, так сдохни! Я не могу больше об этом слышать! Я здесь родилась, здесь и жить буду! Ясно вам? А если ты хочешь уехать, так пожалуйста, скатертью дорога! Я тебя не держу.

Старуха испугано втянула голову в плечи, и сразу стало понятно, что руководила всем здесь именно эта молодая ведьма. Видя, что немного переборщила, девушка добавила уже более примирительным тоном:

– Ты всегда, Сусанна, недовольна. Народу полная деревня, тебе мало. А сколько людей из города приезжает? Отдыхать некогда. Тут уж она кривила душой. В деревне осталось всего четыре семьи. Но Нюрка привыкла все время врать, поэтому часто желаемое выдавала за действительное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.